

Движение юных коммунар как педагогическая утопия¹

Е.А. Ямбург,

доктор педагогических наук,
Москва

...Время переломилось, всё вокруг дышит переменами, уцелевшие зеки возвращаются из лагерей, идеологический тренд — борьба с культом личности, возвращение к ленинским нормам партийной жизни. Страна, устремленная в будущее, демонстрирует невиданные научно-технические достижения: запуск искусственного спутника, первая в мире атомная электростанция... Многие искренне верят в то, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. В литературе и кинематографе ведающим течением становится «новая искренность».

На этой оттепельной волне возникает коммунарское движение. Коммунары в красных галстуках, маршируя по улицам Ленинграда, скандируют речёвку: «Да здравствует наука, да здравствует прогресс и мудрая политика ЦК КПСС!» Ироническая коннотация здесь начисто отсутствует (она придет позже), коммунары искренне верят в научно-технический прогресс и всей душой поддерживают курс партии на обновление жизни, реализовать который мешают ретрограды и формалисты, утратившие святостное отношение к революционным идеалам. Комсомольская богиня, комиссары в пыльных шлемах, воспетые Б. Окуджавой, для них идеал для подражания, равно как и первые, зарождавшиеся в 20-е годы пионерские отряды...

Пока же коммунарская романтика безраздельно овладевает душами детей и взрослых. Дети, воспитанные в этой стилистике, отказываются снимать красные галстуки даже дома (это же предательство), а взрослые девушки-вожатые идут в них в загс. Чуть было не написал под венец, но вовремя опомнился. Это сегодня творцы обновленных, перелицованных по эклектическим лекалам пионерских проектов умудряются как-то совмещать марксистскую и религиозную идеологию. Те были беспримесными верующими атеистами, ощущавшими себя едва ли не апостолами грядущего коммунистического царства, потому и старались изо

¹ Размышления над книгой «Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е гг.)». «Учительская газета», № 30 от 29 июля 2014 года.

всех сил воплощать в реальной обыденной жизни высокие идеалы — немедленно, здесь и сейчас.

На том и споткнулась очередная педагогическая утопия, просуществовав недолго. И это при том, что никакой диссидентской контрабанды коммунарское движение не несло, угрозы общественно-политическому строю не представляло. Плоть от плоти «наши», организаторам современных прокремлёвских молодёжных движений остается лишь позавидовать. Настоящие советские патриоты, а не пришлось ко двору. Почему?

На этот вопрос существуют как общие, так и конкретные ответы. Начнём с общих. Оттепели пришли на смену заморозки. Танки на улицах Праги убили иллюзию о социализме с человеческим лицом. Авторитарное государство в который раз натянуло идеологический поводок. Оно всегда с подозрением относится к спонтанному, не контролируемому активизму, будь то коммунары или волонтеры, справедливо подозревая, что из этих побегов, хотя они и не замышляют побег из системы, со временем может вырасти полноценное гражданское общество. Казалось бы, ответ на вопрос о гибели очередной педагогической утопии очевиден и лежит в привычной плоскости исторического анализа педагогического явления. Но он совершенно не проясняет глубинную природу конфликта. Авторы не довольствуются «плоским» ответом и идут вглубь, привлекая к анализу инструменты психолингвистики.

Попутно замечу: к несомненным достоинствам книги следует отнести междисциплинарный подход, позволяющий при исследовании сложных явлений использовать разнообразные инструменты всех наук о человеке. Это существенно затрудняет восприятие книги неподготовленным читателем, но зато делает его зрение стереоскопическим.

«Диглоссия» — термин лингвистический, используемый для описания язы-

ковой ситуации. При диглоссии два языка существуют параллельно, и человек в разных ситуациях обращается к разным языкам, полагая, что пользуется одним и тем же. Это явление имеет глубочайшие корни. Так, например, в сакральной сфере используется церковнославянский язык, в описании земных устроений — русский. Разные языки жестко закреплены за разными сферами. При богослужении русский язык невозможен, ибо при видимом опрощении и общедоступности текстов исчезает таинство общения с Всевышним.

Коммунистическая квазирелигия породила своеобразную идеологическую диглоссию. Публичная и приватная жизнь в СССР подчинялись взаимоисключающим нормам, которые в равной мере принимались обществом. Соответственно один «сакральный» язык применялся для обсуждения идеалов в официальной печати, на партийных и комсомольских собраниях, другой отражал поведение людей в реальной жизни.

Коммунарское движение выглядело как ультрасоветское, но их практика отличалась от ритуалов советской школы. Психологически в пределах коммуны её члены жили в ином мире, отличавшемся от остального советского общества, ощущая себя вестниками уже наступившего коммунизма. Тем самым они подрывали порядок, поскольку воспринимали официальные лозунги всерьез. Высокими принципами коммунары пытались руководствоваться в повседневной жизни. Именно в этом глубинная причина конфликта. Неснимаемый красный галстук на шее невесты ещё мог сойти за милое чудо.

Но их учили свободно, прямо в глаза высказывать свое мнение, невзирая на возраст, социальный статус оппонента и окружающую обстановку. Вот они и резали правду-матку педагогам, директорам школ, партийным и комсомольским

функционерам¹. Наученные горьким опытом войны и скудной послевоенной жизни, их родители после работы выставляли в длинных очередях за дефицитными продуктами (а что тогда было не дефицитно?), стремясь добыть лучший кусок для своих детей, но не встречали в их глазах благодарности. Вместо признательности — гневные обвинения в мещанстве, вещизме и бездуховности. Мы с горящими сердцами стремимся жить для людей, у нас «все дела творческие, иначе зачем?», а вы путаетесь под ногами с селедкой, колбасой и прочим вздором. К тому же родители не понимали эти вечные поиски экстремальных ситуаций, когда из летних лагерей их дети возвращались исхудавшими, с руками, покрытыми цыпками. Конфликт с окружающей жизнью был неизбежен, ибо столкнулись две модели жизни: утопическая и повседневная. В отличие от диссидентов коммунары не понимали, что существует разрыв между идеологией и повседневными практиками и что язык советской идеологии не был рассчитан на использование в повседневной жизни. За что и пострадали в итоге.

Из личных контактов знаю, как по-разному сложилась их дальнейшая жизнь и судьба. Одни, испытав на себе и пережив как драму практику двойных стандартов, ушли в ниспровергатели системы. Другие стали активными «прорабами перестрой-

¹ Например, в декабре 1965 года на совещании в ЦК ВЛКСМ с приглашением «старших друзей» клубов юных коммунаров разных городов страны, проводимом с участием руководителей отдела учащейся молодежи ЦК ВЛКСМ по просьбе ряда клубов ЮК в связи с притеснениями со стороны местных комсомольских органов, появился десятиклассник Э. Герасимович из Минска. Его не пускали на совещание, ссылаясь на то, что совещание для взрослых. Он настаивал на своём праве быть участником совещания, объясняя, что в клубе ЮК Минска он самый старший. Однако его так и не допустили к участию. На это один из совещавшихся заявил протест и сказал, что обратится с просьбой о решении этого вопроса — праве совещательного голоса старшего в клубе — в ЦК КПСС. Такое заявление буквально взбесило руководителей ведомства (ред.).

ки», чтобы вскоре пережить ещё одно горькое разочарование от её провала. Третьи, напоенные романтическими воспоминаниями юности, до сих пор идеализируют все советское, но все вместе с увлажненным взглядом поют: «Мы оставим на память в палатках эти песни для новых орлят».

Они и вправду как дети, не преодолевшие трудности взросления, связанные с тем, что в реальном (не важно, в каком — авторитарном или демократическом) обществе слишком много ценностных систем, противоречащих друг другу. Сегодня их неизмеримо больше, нежели в эпоху оттепели: религиозные и позитивистские, консервативные и демократические, общечеловеческие и национальные.

Рано или поздно любой педагог вне зависимости от временного и социально-политического контекста встает перед этой дилеммой: как преодолеть зазор между правилами и ценностями, внушаемыми в детстве, и их корректировкой при столкновении с большим миром. Об этом, как помните, со всей определенностью высказался Я.Корчак. Увы, «мир уродлив и люди грустны» (американский поэт Уоллес Стивенс). Вечная педагогическая проблема: как одновременно учить детей говорить правду и вводить их в мир, полный лжи и противоречий. Универсальных рецептов нет.

С этой точки зрения любая педагогическая система утопична по сути, ибо пытаются решить открытые вопросы, не имеющие окончательного решения. Здесь каждый выбирает для себя. Важно лишь не заноситься, приняв душой совет мудрого Я.Корчака, в равной мере относящийся и к взрослым, и к детям: «Есть разные истины. Твоя, моя, его. Наши истины неодинаковы вчера и сегодня. А завтра твоя и моя истины будут другими». При таком настрое перестаешь располагать людей и детей на шкале «свой — чужой».

Что до поседевших воспитанников коммунарского движения, то из личных контактов с ними выношу ощущение, что большинство из тех, кого я знаю, глубоко порядочные люди вне зависимости от их ценностных и политических предпочтений. Несмотря ни на что, педагогическая утопия залила свет в их души. А прививка творчества, полученная в юности, до сих пор позволяет украшать свою жизнь и реализовывать себя преимущественно в хобби и занятиях с внуками, возраст есть возраст.

Беспощадным крепким задним умом критикам этой утопии рекомендую ознакомиться с убийственными данными социологов, отражающими сегодняшнее состояние умов молодых людей.

По данным ВЦИОМ, 57% респондентов не признают никаких героев. У нынешнего поколения вообще беда с идеалами. Для них важнее материальные ценности (76%), они ленивы (54%) и безразличны к Родине (44%). За последние 10 лет число молодых россиян, не принимающих никаких кумиров, увеличилось на 48%.

Доклад Комитета гражданских инициатив, с которым сотрудничают серьезные не ангажированные социологи, «О молодежной политике как национальной системе воспитания профессиональных кадров» вызывает у меня доверие. Вот его основная мысль: «Сложившаяся среда производит для России не трудолюбивых рабочих и увлеченных интеллектуалов, а амбициозных приживал, мечтающих о теплом месте в муниципальной или государственной системе, оправдывающих свойственный профессиональный примитивизм лояльностью. Вместо мультизадачных идеалистов общество получает пассивных выскочек с завышенной самооценкой». Звучит как приговор, после которого отпадает желание высокомерно оценивать педагогические утопии прошлого. Как утверждают социологи, у современных молодых людей почти не осталось «значимых взрослых». У коммунаров, несмотря на несбывшиеся надежды, они были. И потому близкие мне люди преклонного возраста до сих пор навещают своих одряхлевших вожатых.